

**СТИВЕН
КИНГ**

МИЗЕРИ

Издательство АСТ
Москва

*Стефани и Джиму Леонардам —
они знают, за что. Да-да, знают.*

богиня

Африка

Мне хотелось бы с благодарностью упомянуть здесь имена трех медиков, которые очень помогли мне, предоставив для этой книги фактический материал. Спасибо:

Рассу Дорру, фельдшеру
Флоренс Дорр, медицинской сестре
Дженет Ордуэй, доктору медицины и психиатрии

Если читатель не заметит в книге промахов — это благодаря им. Если же он найдет в книге вопиющие ошибки, в них виноват я сам.

Разумеется, такого лекарства, как «новрил», не существует, но используются аналогичные препараты на кодеиновой основе; к сожалению, случается, что персонал больниц, аптек и других медицинских учреждений не содержит эти препараты под достаточно надежными замками.

Все места действия и действующие лица вымышлены.

С.К.

Часть первая

Энни

Когда ты заглядываешь в бездну,
сама бездна заглядывает в тебя.

Фридрих Ницше

1

*коричневый ухмнннн
йерннн коричневый ухмнннн
фэйунннн*

Вот такие звуки: даже в дымке.

2

Но иногда звуки — как и боль — отступали, и оставалась только дымка. Он помнил темноту: дымке предшествовала плотная темнота. Означает ли это, что состояние его улучшается? Он видит свет (пускай сквозь дымку), а свет — это хорошо, и т.д. и т.п., так? А во тьме были эти звуки? Он не знал ответов на эти вопросы. Есть ли смысл спрашивать? И на этот вопрос он не знал ответа.

Боль помещалась глубже, под звуками. К востоку от солнца и к югу от его ушей. Вот и все, что ему *было* известно.

В течение какого-то времени, очень долгого, как ему казалось (и в *самом деле* долгого, так как существовали только боль и дрожащая, как будто от ветра, дымка), внешняя вселенная состояла только из этих звуков. Он не знал, кто он и где находится, да и знать не хотел. Хорошо было бы умереть, но сквозь болевую дымку, окутавшую его сознание подобно летней грозовой туче, он не отдавал себе отчета, желает ли он смерти.

Время шло, и он усвоил, что боль периодически оставляет его. Когда он в самый первый раз вынырнул из непроглядной черноты, которая предшествовала дымке, к нему пришла мысль, не имевшая никакого отношения к его теперешнему положению. Мысль об обломке деревянного столба, торчавшем из песка на пляже Ревир-Бич. Когда он был маленьким, отец с матерью часто брали его с собой на Ревир-Бич, и он всякий раз настаивал, чтобы родители разложили плед так, чтобы можно было лежать на нем и смотреть на этот обломок, который казался мальчику клыком погребенного под песком чудовища. Ему нравилось сидеть и смотреть, как прилив наступает на берег и в конце концов накрывает деревяшку целиком. А потом, несколько часов спустя, когда уже съедены все сэндвичи и весь картофельный салат, когда в отцовском термосе не осталось ни капли и когда мама уже готова сказать, что пора собираться домой, обломанная верхушка полусгнившего дерева вновь показывалась над поверхностью воды. Сначала выглядывал только острый край, и его накрывало прибоем, потом дерево все больше и больше высывалось из воды. К тому времени, как его родители выбрасывали мусор в большую круглую урну с надписью **СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ НА ПЛЯЖЕ**, собирали игрушки Поли

(это меня зовут Поли я — Поли я сегодня обгорел и вечером мама смажет меня маслом «Джонсонз бэби» — пронеслась мысль в той темной грозовой туче, внутри которой он сейчас жил)

и складывали плед, деревянный столб, почерневший и скользкий, уже почти целиком торчал из воды, и на его боках там и сям белела пена. Отец пытался тогда объяснить, что это прилив, но он-то всегда знал, что это столб. Прилив приходит и уходит, а столб остается. Просто иногда его не видно. Без столба прилива *не бывает*.

Воспоминание ползало по кругу, как сонная муха, и сводило его с ума. Он принялся было отыскивать в нем смысл, но тут вмешались звуки.

фэйуннини

кrrрасное все кrrрасннное

коричневый ухmnни

Время от времени звуки прекращались. Время от времени прекращался *он*.

Первое его явственное воспоминание о *нынешнем* времени, о времени, проведенном в грозовой туче, было воспоминанием о прекращении, о мгновениях, когда он сознавал, что не может сделать вдох, и в этом нет ничего страшного, так и должно быть, так и полагается, собственно говоря; он только рад выйти из игры.

А потом над ним возник чей-то рот, несомненно, женский, хотя губы были жесткие, сухие, и этот рот принялся дуть в его рот, накачивая воздух ему в легкие, и когда эти чужие губы отодвинулись, он впервые почувствовал запах своей тюремщицы, почувствовал запах ее дыхания, запах воздуха, который она вдыхала в него против его воли; с такой вот силой мужчина проникает в женщину, которая не желает соития. Этот запах сложился из жуткой смеси ароматов ванильного печенья, мороженого в шоколаде, жареного цыпленка и арахисового масла.

Ее голос заорал над его ухом:

— Дыши, черт побери! *Дыши*, Пол!

И те губы опять сомкнулись с его губами. В его горло снова потекла струя воздуха. Влажная струя, такая несется вслед за мчащимся поездом и тащит за собой обрывки газет и

конфетные обертки; потом губы отпрянули, и он подумал: *Господи, не надо больше, мой нос не выдержит*, но он ничего не мог поделаться, и некуда было деваться от этого *смрада, смрада, от этого проклятого СМРАДА*.

— *Дыши, черт тебя подери!* — кричал невидимый голос, и он думал: *Хорошо, я буду дышать, все, что угодно, пожалуйста, только не делай этого больше, не заражай меня*, и он даже *попытался* вдохнуть, но не успел, потому что ее губы, сухие и холодные, как кусок подсолненной кожи, опять соединились с его губами и выдыхаемый ею воздух снова наполнил его.

Когда она в очередной раз убрала губы, он не просто *выпустил* воздух из легких, а *вытолкнул* его и тут же самостоятельно сделал глубокий вдох. Выдохнул. И замер в ожидании, что его грудь (он пока не мог ее видеть) поднимется сама, как поднималась всю жизнь безо всяких усилий с его стороны. Но грудь не поднялась, и тогда он снова набрал в легкие воздуха и задышал сам, как можно чаще, чтобы ее запах выветрился поскорее из его тела.

Никогда прежде обыкновенный воздух не казался ему таким чудесным.

Он опять стал проваливаться в туман, но пока окружающий мир окончательно не скрылся во мгле, услышал, как какая-то женщина сказала:

— Ух! А ведь совсем близко был.

Не так уж и близко, подумал он и уснул.

Ему снился обломок деревянного столба, настолько настоящий, что он, пожалуй, смог бы дотянуться до него и прикоснуться ладонью к зеленовато-черному шершавому боку.

Снова возвратившись в прежнее состояние полусознания, он сумел обнаружить связь между обломком столба и своим нынешним положением — боль тоже наплывала на него. Впрочем, его боль похожа не на морской прилив. Он извлек урок из сновидения, которое на самом деле было воспоминанием. Ему только *казалось*, что боль накатывает и уходит. Боль похожа на тот столб, который всегда на месте, его лишь не вид-

но время от времени. Когда боль не погружала его сознание в каменно-серое облако, он молча благодарил ее, но теперь его уже нельзя обмануть: она все еще здесь и скоро покажется. И столбов теперь *два* вместо *одного*; боль — это два столба, и какая-то частица его разума давно знала тот факт, который лишь много позже стал достоянием основной части сознания: два поломанных столба — это две его искалеченные ноги.

Лишь спустя долгое время ему удалось освободиться от засохшей на губах чужой слюны и прохрипеть:

— Где я?

У его кровати сидела женщина с книжкой в руках. На обложке стояло имя автора — Пол Шелдон. Ему удалось вспомнить, что это имя — его собственное, и он не удивился такому открытию.

Когда он наконец выговорил свой вопрос, женщина ответила:

— Сайдвиндер, штат Колорадо. — И добавила: — Меня зовут Энни Уилкс. Я...

— Знаю, — перебил он. — Вы — моя самая большая поклонница.

— Да, — подтвердила она, улыбаясь. — Именно так.

3

Темнота. За ней — боль и туман. А потом — осознание того, что боль хотя и не прекращается, зато время от времени как будто нехотя идет на перемирие и прячется, и тогда наступает облегчение. Первое истинное воспоминание: задержка, а затем — насильственное возвращение в жизнь при посредстве пакостного женского дыхания.

И следующее подлинное воспоминание: ее пальцы время от времени проталкивают ему в рот что-то вроде капсул «кон-

така», а воды не дают, и капсулы эти тают во рту; они очень горькие, вкус их отдаленно напоминает вкус аспирина. Хорошо было бы эту горечь выплюнуть, но он понимал, что все же не стоит этого делать. Потому что горькие капсулы и были тем приливом, который заливал черный столб

(нет СТОЛБЫ их ДВА ладно их два хорошо теперь ты помолчишь ш-ш-ш)

и вроде бы заставлял его исчезнуть на время.

Боль теперь не прекращалась, а как бы стачивалась через большие промежутки времени (так же, должно быть, постепенно стачивался и тот столб на пляже Ревир-Бич, ибо ничто на Земле не вечно, хотя маленький мальчик, каким он тогда был, наверняка посмеялся бы над столь дикой мыслью), и окружающие предметы стали быстро приобретать привычный облик, и наконец весь внешний мир, а также собственные воспоминания, опыт, предрассудки снова заняли свое место в его сознании. Его зовут Пол Шелдон, он писатель, пишет романы двух сортов: хорошие романы и бестселлеры. Он дважды был женат и дважды разводился. Он слишком много курит (точнее, курил до последних событий, в чем бы эти «последние события» ни заключались). С ним случилось что-то очень плохое, но он все-таки жив. И это темное облако тает. Еще не скоро его самая большая поклонница принесет ему старую механическую пишущую машинку «Ройал», которая, как ему покажется, ухмыльнется и заговорит с ним голосом Дакки Дэддлса. Но задолго до этого Пол поймет, что чертовски влип.

4

Какая-то часть его мозга, способная к предвидению, позволила ему разглядеть ее еще до того, как он ее увидел, и где-то в подсознании он понял ее раньше, чем стал понимать

разумом, — иначе с чего бы у него возникли такие жуткие, даже зловещие ассоциации? Когда она входила в комнату, перед ним тут же возникали образы африканских языческих идов, описанных в романах Генри Райдера Хаггарда*, он думал о каменных гробницах, о неумолимом роке.

Нелепо было уподоблять Энни Уилкс языческой богине из романов «Она» и «Копи царя Соломона», но в то же время сравнение почему-то представлялось уместным. В фигуре этой крупной женщины, казалось, не было ни единой плавной линии — ни округлостей бедер, ни очертаний ягодиц, ни даже икр ниже ее вечных шерстяных юбок, которые она неизменно носила в помещении (а прежде чем выйти на улицу, уходила в свою невидимую спальню и там натягивала джинсы). Обширное, но скудное тело. При взгляде на нее невольно приходили в голову мысли об узелках и шишках, а не о соблазнительных пространствах женской плоти.

Его *раздражало*, что она представлялась ему *твердой*, словно в ней не было кровеносных сосудов, а может быть, и внутренних органов; она казалась ему цельной, как бы высеченной из единой глыбы фигурой по имени Энни Уилкс. В нем постепенно крепла уверенность, что ее глаза нарисованы и не движутся вовсе, как глаза портрета, которые словно наблюдают за тобой, в какой бы точке комнаты ты ни находился. Ему приходила в голову мысль, что, если он выставит два пальца рогаткой и ткнет ими в ее ноздри, пальцы его пройдут внутрь разве что на одну восьмую дюйма, а потом соприкоснутся с твердым (ну, чуть-чуть упругим) препятствием; даже ее серый шерстяной джемпер и старушечьи юбки составляли одно целое с твердым, жилистым телом. Потому и неудивительно, что она казалась ему похожей на языческого идола из приключенческого романа. Как идол она внушала только одно: смущение, постепенно переходящее в ужас. При виде идола все прочие чувства пропадают.

---

* Хаггард Генри Райдер (1856—1925) — английский писатель. Действие многих его романов происходит в экзотических странах. — *Здесь и далее примеч. пер.*